

Глава 19. Счастье

Сяо Чэньюй никогда не имел привычки спать днём. Но с тех пор, как та посылка оказалась у него дома, он стал спать по ночам всё меньше и меньше — теперь приходилось восполнять силы короткими дневными дремами.

Проснувшись в этот день после полудня и, всё ещё сонный, спустившись вниз, он с удивлением обнаружил Шэн Цаня и Лян Юэ, которые сидели в зале и ели мороженое.

Оказалось, что их «новоиспечённый предводитель детворы» уже несколько дней не появлялся, и ребятишки начали по нему скучать. Потому и послали Шэн Цаня с Лян Юэ разведать, что с ним.

Едва Сяо Чэньюй появился, Шэн Цань тут же вскочил и, сияя, потянул его за руку — пойдём играть! Но Сяо Чэньюй остался стоять на месте, на лице у него появилось смущённое выражение.

Прошлой ночью Ван Чи так измотал его, что он толком не выспался, а теперь к тому же ноги ныли и ломило. Бегать по улице совершенно не хотелось.

Ван Чи пришёл ему на выручку:

— На улице слишком жарко. Лучше сыграйте здесь в го-моку, а я помою вам фрукты.

Всем идея понравилась, и они уселись вокруг стола.

Поначалу игра шла весело, но вскоре Шэн Цань начал отвлекаться и зашептался с Лян Юэ:

— Эй, вечером в деревне кино будут показывать. Ты пойдёшь посмотреть? Я после ужина зайду за тобой.

Лян Юэ не отрывал взгляда от доски, он лишь коротко ответил:

— Хорошо.

Зато Сяо Чэньюй сразу заинтересовался:

— В деревне будут показывать кино?

— Ага! На сушильной площадке, — оживлённо объяснил Шэн Цань. — Очень интересное! Братик, пойдёшь с нами?

Сяо Чэньюй никогда не смотрел кино под открытым небом, и, загоровшись, ответил:

— Обязательно приду!

После ужина он буквально увивался вокруг Ван Чи, уговаривая того скорее повести его на сушильную площадку посмотреть фильм.

Сам Ван Чи особого интереса не испытывал — обычно на том месте крутили старые антияпонские картины вроде «Руки вверх!» или «Подземная война». Но, видя, как Сяо Чэньюй светится от ожидания, он всё же подготовил бамбуковый веер, пару маленьких табуреток, усадил Сяо Чэньюя и Юаньбао в свой трёхколёсник и отвёз их туда.

Более половины жителей деревни уже собрались на сушильной площадке, обмахиваясь веерами и отгоняя комаров, сидели на низеньких скамейках, ожидая, когда начнётся показ фильма. Сяо Чэньюй, глядя на других, тоже стал обмахиваться, но вскоре устал, и, поморщившись, бросил веер в сторону.

Ван Чи намазал ему шею, руки и ноги репеллентом, потом потрепал Юаньбао по голове и, напомнив присматривать за людьми, только тогда отошёл в тень, чтобы покурить.

Дневной зной постепенно рассеялся. Ветер пробежал над просторными полями, шелестел волнами риса и, переключаясь с пением цикад и кваканьем лягушек, наполнял ночь спокойствием.

Ван Чи прищурился, глядя в чистое звёздное небо, когда вдруг кто-то толкнул его в плечо. Пепел с сигареты осыпался вниз.

Он обернулся — перед ним стоял дед Лян Юэ, с сигаретой, зажатой в зубах, и недобрый взглядом.

Про деда Лян Юэ в деревне ходила дурная слава. Алкаш, лентяй, любитель халявы, склочник — такими словами его описывали соседи. После того как его сын умер от пьянства, а невестка сбежала из деревни той же ночью, он стал ещё более раздражительным и злым. Люди старались обходить его стороной, чтобы не навлечь неприятностей.

Ван Чи не хотел связываться — промолчал, достал зажигалку, прикрыл огонь ладонями от ветра и дал старому Ляну прикурить.

Но тот не собирался его отпускать. Выпустив струйку дыма, он хрипло сказал:

— Это ты засыпал яму в лесу, а?

Брови Ван Чи невольно дёрнулись.

На следующий день после того, как он вытащил Сяо Чэньюя из ямы, Ван Чи одолжил тачку, набрал земли и засыпал ту ловушку. Ещё тогда, услышав от Лян Юэ разговор о том, как можно поймать кабана и его продать, он догадался, чьих рук это дело. А теперь догадка подтвердилась.

— Да, я её засыпал, — признал он спокойно. — Яма слишком глубокая, очень опасно. Если кто-то упадёт туда, сам не выберется. Вам бы тоже стоило быть осторожнее...

— Опасно, говоришь?! — резко перебил его старик. — Да вся деревня знает, что там яма! Кто же такой дурак, чтобы туда свалиться? Это ловушка для кабанов с горы! Если не копнуть поглубже — разве зверь поймается? Ты хоть представляешь, сколько труда на это ушло?!... Ладно, в этот раз не стану спорить, но впредь не суй нос, куда не просят!

Сказав это, он швырнул окурок на землю, раздавил его сапогом, пару раз с силой притопнул и, сплюнув, ушёл.

Ван Чи посмотрел на сплюснутый в пыль окурок, не зная, что сказать, а потом лишь тихо вздохнул и пошёл искать Сяо Чэньюя — хотел ещё раз напомнить ему держаться подальше от леса.

Он обошёл всю сушильную площадку, но ни парня, ни собаки не было видно. Соседи сказали,

что Сяо Чэньюй ушёл вместе с Лян Юэ есть арбуз.

Дом Лян Юэ стоял прямо у площадки. Когда Ван Чи туда пришёл, Сяо Чэньюй с Шэн Цанем уже стояли за домом у колодца и наблюдали, как Лян Юэ вытаскивает из воды арбузы, опущенные туда с полудня.

Колодезная вода была ледяная, и арбузы, вынутые из неё, источали приятную прохладу. Когда бабушка Лян Юэ разрезала один из них, сладкий аромат мгновенно наполнил двор. Трое ребят устали на ярко-красную мякоть, нетерпеливо дожидаясь своей доли, даже Юаньбао уселся рядом, широко раскрыв глаза.

Кусок арбуза достался и Ван Чи. Бабушка Лян Юэ, хромота и бледная, давно не вмешивалась в то, чем занимается её старик, — лишь улыбнулась и протянула ему ломтик. Ван Чи тоже ответил улыбкой, ничего не вспоминая о недавнем разговоре.

Все ели молча.

Ван Чи и бабушка ограничились по одному куску, а вот Лян Юэ, доев свой, заметил, что Шэн Цань ест так, будто хочет залезть лицом прямо в арбуз, и уступил ему оставшиеся дольки. Шэн Цань с удовольствием их «прикончил», не заботясь о приличиях.

В конце концов один только Сяо Чэньюй ещё ел. Чтобы сок не стекал по рукам до локтей, он аккуратно подносил кусок ко рту, стараясь не запачкаться. На фоне Шэн Цаня юноша выглядел просто образцом изящества.

Когда он наконец доел, дети уже не могли усидеть и снова побежали на кино, а Ван Чи остался ждать его во дворе.

Ладони липли от сладкого сока — нужно было помыть руки. Бабушка Лян Юэ заранее поставила на стол таз с водой, чтобы все могли ополоснуться, но этой водой уже пользовались, и Сяо Чэньюй, брезгливо поморщившись, решил не трогать её.

Он хотел найти туалет, но с неловкостью обнаружил, что у Лян Юэ до сих пор обычный нужник во дворе, а не туалет. Побродив по двору, он попытался найти водопроводный кран, но, не зная его расположения, никак не мог.

Ладони по-прежнему блестели от липкого сока, и он, нахмурившись, держал руки перед собой, ладонями вверх.

Этот вид — чистоплотного, почти жеманного юноши, не знающего, куда деться с липкими руками, — так позабавил Ван Чи, что тот не удержался от улыбки. Он уже хотел было сказать, где кран, но в итоге просто остался сидеть и, глядя на него, невольно усмехнулся.

Сяо Чэньюй, заметив, что тот смеётся, вспыхнул от раздражения, обернулся и резко сказал:

— Не смей смеяться!

Ван Чи сразу перестал смеяться, но Юаньбао, его хвостатый спутник, не отличался особой чуткостью. Он, весело виляя хвостом, увязался за Сяо Чэньюем по двору. Увидев, что тот всё время держит руки перед собой, пёс решил, что там, должно быть, остались кусочки арбуза. Стоило Сяо Чэньюю остановиться и взглянуть на Юаньбао, как тот радостно оскалился и ещё усерднее замахал хвостом.

Сяо Чэньюй, не находя иного выхода, сорвал раздражение на собаке:

— И ты не смей смеяться!

Юаньбао испуганно лизнул нос, юркнул к Ван Чи и ткнулся носом ему в ладонь, прячась под его рукой.

И в этот миг Ван Чи вдруг ясно понял, что такое домашнее счастье. Тёплое, невыразимое чувство переполнило его грудь. Он погладил пса по голове, успокоил его, потом встал и повёл Сяо Чэньюя мыть руки. Не удержавшись, он ещё раз взъерошил ему волосы и, мягко улыбнувшись, сказал:

— Ты такой милый.

Сяо Чэньюй, заметив, что Ван Чи сначала гладил собаку, а потом его, возмутился до такой степени, что аж подпрыгнул от злости. Но Ван Чи, вместо того чтобы испугаться, только рассмеялся ещё громче.

<http://bllate.org/book/12345/1101765>